

УДК 323

Виктор Сергеевич Мартьянов
кандидат политических наук, доцент,
ученый секретарь Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: martianovy@rambler.ru

ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ АРКТИКУ: ДИНАМИКА РОССИЙСКИХ ПРИОРИТЕТОВ¹

В статье рассмотрена трансформация арктической стратегии России в контексте глобального переосмысления потенциала арктического макрорегиона. Проведен анализ политико-правовых принципов освоения Арктики с учетом ее геополитического положения. На основе контент-анализа официальной российской прессы выделены основные субъекты, цели и проблемы освоения российского арктического пространства, анализируется динамика российских приоритетов в Арктике. Аргументируется вывод о тактике символического присвоения и географического «приближения» российской Арктики в официальных СМИ. Автор пытается показать, что новейшая отечественная экспансия в Арктику во многом остается лишь риторической. Более того, в современной России по инерции сохраняют доминирующее положение героические арктические символы советского прошлого (полярник, Северный полюс, Северный морской путь, ледокольный флот, дрейфующая зимовка и пр.). На основании материалов «Российской газеты» за период 1991–2012 гг. показано, что внутри устоявшегося нарративно-символического комплекса российской Арктики меняется лишь относительный вес его отдельных элементов в зависимости от изменения российской и глобальной политической повестки. Дополнительный анализ официальных проектов развития российской Арктики убеждает в их внутренней противоречивости и отсутствии стратегического видения целей развития арктического региона. Обоснован вывод о необходимости переоценки российских арктических приоритетов с учетом международно-правового режима региона и потенциала разнообразных форм кооперативного участия в освоении Арктики.

Ключевые слова: Арктика, символическая политика, воображаемая география, приполярные регионы, экспансия, контент-анализ, Российская газета.

В результате глобального потепления, роста цен на энергоресурсы и технического прогресса в их добыче в последние десятилетия стремительно растет мировой интерес к освоению Арктики. Ее международный политико-правовой режим в новейшее время претерпевает существенные изменения. Развитие технологий подземного и глубокого морского бурения содействует росту рентабельности добычи полезных ископаемых в Арктике. Этому способствует и долгосрочная мировая конъюнктура цен. В частности, номинальная цена барреля нефти увеличилась с 17,6 долларов в

---

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта Института философии и права УрО РАН № 12-6-8-002-АРКТИКА «Арктическая политика ведущих мировых держав: мониторинг ведущих СМИ».

1991 г. до 109 долларов в марте 2013 г., то есть в 6 раз. Глобальное потепление способствует развитию судоходства Северного морского пути, повышению его значимости и экономической привлекательности как кратчайшего морского расстояния между Европой и Азией. Актуализировались проблемы экспансии неарктических государств в Арктику. Возникают разнообразные вызовы и угрозы для России, связанные с притязаниями других стран и иных политических субъектов на освоение арктического пространства. Это способствует как обострению территориальных споров арктических держав, так и попыткам ведущих неарктических мировых стран закрепиться в Арктике. Таким образом, из региона, имевшего в годы холодной войны преимущественно военное значение, Арктика превращается во все более привлекательный международный экономический регион, имеющий возрастающее энергетическое, военное и транспортное значение.

Регион все чаще рассматривают и в качестве огромного потенциального источника энергоресурсов, и транспортного морского коридора Европа-Азия, и стратегического военного плацдарма, источника питьевой воды, а также зоны развития разных промыслов и области экстремального туризма. Вокруг Арктики переплетаются сложные интересы арктических стран; ведущих неарктических держав, претендующих на ее освоение; добывающих транснациональных корпораций; организаций, представляющих интересы коренного населения Арктики. В результате «в Арктике накопилось немало проблем, связанных прежде всего с экологией, нерешенными территориальными спорами, подчас бедственным положением коренных народностей. К сожалению, пока этот регион является скорее предметом соперничества, чем сотрудничества между различными международными акторами. Стороны часто пытаются решать накопившиеся проблемы силовым, а не политико-правовым путем. Явно наметилась опасная тенденция к милитаризации Арктики» [3, с. 53].

Арктика становится все более привлекательным объектом экспансии для неарктических держав, так как за границами континентального шельфа арктических государств по международному морскому праву она является нейтральной территорией. В отличие от Антарктики, международный правовой режим которой определяется «Договором об Антарктике» 1959 г. (за последние полвека число участников договора выросло с 12 до 46 государств, в их числе крупнейшие мировые державы – Россия, США, Китай, Индия, Япония, Германия и др.) относительно границ в Арктике сегодня отсутствуют общезначимые международные соглашения и способы согласования интересов ведущих мировых держав и неправительственных субъектов политической и экономической активности в данном регионе мира. Арктическая политика внутри отдельных стран и на международном уровне получила серьезное институциональное измерение, явившееся следствием экономической переоценки роли региона в глобальном мире. В области координации политического взаимодействия в Арктике помимо ООН, НАТО и ЕС наиболее влиятельной организацией является Арктический совет (далее – АС), международная организация, созданная в 1996 г.

Постоянными членами АС являются восемь государств, из них пять арктических (Россия, Канада, США, Норвегия, Дания) и три приарктических (Швеция, Финляндия, Исландия). Кроме того, постоянные участники АС – шесть организаций коренных народов Арктики. Статус наблюдателей АС имеют еще 26 крупных государств, межправительственных и неправительственных организаций. Менее заметную роль играют образованные в 1993 г. Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) и Конференция парламентариев Арктического региона.

В последнее двадцатилетие ключевое значение для правового режима доступа к Арктике имело принятие «Конвенции ООН по морскому праву» (далее Конвенция) 1982 г., вступившей в силу в 1994 г. К настоящему времени Конвенцию подписали 165 государств. Конвенция фактически упраздняет секторальный принцип раздела Арктики между пятью арктическими государствами. Она устанавливает исключительную экономическую зону интересов государства на расстоянии 200 морских миль от его побережья. Это расстояние может быть увеличено до 350 морских миль, если страна представит доказательства, что граница его континентального шельфа достигает данных значений. Для России, стремящейся увеличить границу своего арктического шельфа, таким доказательством служат аргументы о принадлежности подводного хребта Ломоносова к российскому континентальному шельфу, являющегося его продолжением. В настоящее время Конвенция ратифицирована парламентами всех арктических стран за исключением США, хотя последние соблюдают ее де-факто и склоняются к официальному одобрению положений Конвенции.

Конвенция позволяет регулировать определенную часть из многочисленных арктических территориальных споров и претензий путем обращения к механизмам их разрешения, предусмотренным Конвенцией и соответствующим процедурам доказательства, которые рассматривают специальной комиссией, создаваемой ООН. Между тем исследователи отмечают, что установление 200-мильной зоны национальной юрисдикции, предусмотренное Конвенцией, не решает множественных территориальных споров арктических стран, поэтому является слабой альтернативой предшествующему секторальному принципу арктических границ, которого придерживался СССР и который позволял в случае достижения согласия арктических стран полностью поделить Арктику только между арктическими державами. В результате можно согласиться с тем, что «Арктика стала той ключевой геополитической точкой, концепт-районом, на котором человечество сейчас будет оттачивать свои способности к международному компромиссу и взаимному согласию» [1, с. 61].

Россия имеет множество весомых причин к выработке и продвижению собственной арктической стратегии развития в целом и российской Арктики как ее крупнейшей составной части. Во-первых, из всего мирового населения Арктики, составляющего 4,2 млн человек, половина – граждане России. Во-вторых, если проводить границу арктического региона не по полярному кругу (66°33' северной широты), а по 60-й северной парал-

лели, то к этому макрорегиону будет относиться половина территории России. В-третьих, достаточно отметить, что наша страна имеет самую протяженную из пяти арктических стран (Россия, Канада, США, Дания, Норвегия) арктическую границу. В-четвертых, Россия располагает крупнейшими запасами сырья в Арктике, недра которой содержат по разным оценкам от 13 до 25% мировых запасов углеводородов. В-пятых, глобальное потепление открывает широкие коммерческие возможности эксплуатации российского Северного морского пути в направлениях Европа – Азия, Евразия – Северная Америка.

При этом ясная долгосрочная политическая стратегия освоения Арктики в России до сих пор отсутствует. Начало 1990-х гг. принесло разочарование от советских методов территориально-отраслевого освоения Арктики, которая на определенный период стала рассматриваться лишь как бесперспективная земля, источник проблем, заложенных советской моделью ее преимущественно монофункционального (моногорода) и военно-стратегического освоения, которые необходимо переосмыслить и эффективно разрешить в новых политико-экономических постсоветских контекстах [4]. Однако постепенно возвращение России в активную мировую повестку и переосмыслений будущих возможностей арктического макрорегиона способствуют формированию новых приоритетов российской арктической политики.

В настоящее время российская концепция освоения Арктики определяется «Основами государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» (далее – Основы [5]). В частности, согласно Основам Россия декларирует, что к 2020 г. Арктика станет «стратегической ресурсной базой России», предполагается «использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации Российской Федерации в Арктике». Однако задачи и мероприятия, ведущие к этим целям, в Основах сформулированы предельно общо и расплывчато. Более того, в начале 2013 г. Президентом России В. Путиным на фундаменте Основ была утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (далее – Стратегия [6]), сохранившая все родовые недостатки Основ: декларативность и абстрактную риторику, то есть отсутствие четких целевых показателей планируемого развития. Внимательное чтение Стратегии убеждает, что большинство заявленных в ней социально-экономических проблем развития Арктики на самом деле характерны для России в целом. При этом, например, парадоксальным образом авторами Стратегии одновременно заявляются в качестве проблем российской Арктики отток кадров и их нехватка, «очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения территорий и низкая плотность населения» и тут же «возрастание техногенной и антропогенной нагрузки на окружающую среду». Сами механизмы реализации Стратегии представляют собой обезличенный набор повторя-

ющихся чиновничьих лексем, применимый для любых сфер деятельности и регионов: *обновление, обеспечение, модернизация, развитие, улучшение, совершенствование, оптимизация* и т.п.

Представляется, что для выработки эффективной арктической политики России на первом этапе необходимо проанализировать наиболее повторяющиеся сюжеты, интересы и практики освоения Арктики. Выявить устойчивые сферы деятельности, связанные с Арктикой, присутствующие в прошлом и настоящем российской политической повестки.

Для анализа основных образов, проблем и субъектов действия в Арктике нами выбрана «Российская газета» (далее «РГ») как наиболее тиражное официальное издание. В данном издании опубликованы материалы а) комплексно отражающие позицию и интересы российского общества и государства, б) содержащие общую логику и принципы освоения арктического региона в постсоветский период (1991–2012 гг.). Все материалы, используемые в контент-анализе данной статьи, размещены на официальном сайте «РГ» по адресу www.rg.ru.

Целью контент-анализа было выявление основных субъектов и стратегических направлений освоения Арктики как внутри России, так и за ее пределами, позволяющих осмыслить общие контуры арктической политики. Политическая карта российской стратегии в Арктике составлена на основании выделенных ранее базовых смысловых интерпретаций арктического пространства, наиболее часто встречающихся в мировой научной и публицистической литературе:

- минерально-сырьевая база;
- перспективный район судоходства;
- территория арктической (циркумполярной, северной) цивилизации;
- арена борьбы, в том числе потенциального военного противостояния;
- заповедная территория;
- зона национальных интересов отдельных государств;
- бесперспективная, отдаленная территория;
- достояние всего человечества.

Прежде всего необходимо отметить отсутствие в «РГ» первоначально предполагаемого в исследовании общего понятия «арктической политики» несмотря на неуклонный и значимый рост интереса к Арктике. Так, с 1991–1992 гг. по 2011–2012 гг. количество упоминания слова «Арктика» и его производных в статьях «РГ» возросло с 102 до 951 (рост в 9 раз). Однако увеличение количества упоминаний Арктики не привело к качественно новому пониманию региона, переосмыслению способов продвижения в нем интересов России. В материалах «РГ» Арктика распадается на ряд довольно локальных нарративов и брендов, которые ничем не связаны друг с другом кроме общей географии. Эти нарративы и сюжеты имеют свойства постоянного воспроизводства на страницах «РГ», во временной динамике меняется лишь интенсивность обращения к ним. Указанное обстоятельство свидетельствует о сложившемся комплексе российских арктических символов смыслов, демонстрирующем в постсоветский период

довольно сильную институциональную и смысловую инерцию, устойчивую к любым инновациям. По сути внутри нарративно-символического комплекса российской Арктики меняется лишь относительный вес его отдельных элементов в зависимости от меняющейся российской и глобальной политической повестки. При этом сохраняется доминирующее положение и инерция героических арктических символов советского прошлого: Северный полюс, Шпицберген, Северный морской путь (Севморпуть), полярник, шельф, ледокольный флот, дрейфующая зимовка и пр. (табл. 1).

Основное смысловое смещение постсоветского периода связано с переосмыслением прежнего понимания Арктики как стратегического плацдарма времен «холодной войны» в пользу ее интерпретации в 2000-е гг. в качестве экономически недооцененного региона, своего рода северного Эльдorado, способного обогатить ресурсную базу российской экономики. Между этими пониманиями Арктики, 1990-е гг. представляют ситуацию межвременья и лиминальности, когда Арктика преимущественно рассматривалась как бесперспективное наследие времен СССР, которое после распада сверхдержавы необходимо поддерживать вопреки здравому смыслу и законам рыночной экономики.

Следует отметить, что новые постсоветские объекты интересов и символы, связанные с Арктикой и оформившиеся к XXI в., такие как арктический континентальный шельф, циркумполярная цивилизация, экстремальный туризм, экология, борьба с загрязнением окружающей среды остаются довольно периферийными сюжетами российского образа Арктики. Не оправдались и исследовательские ожидания, связанные с потенциалом и укреплением циркумполярной цивилизации в Арктике. Малочисленные сюжеты, связанные с единством образа жизни и культурным своеобразием, как оказалось, не ведут к эффективному объединению коренных северных народов в виде влиятельных надэтнических, макрорегиональных и межнациональных структур. Как правило, все эти объединения успешней действуют внутри каждого из пяти арктических государств, что обуславливает скептическое отношение экспертов, политиков и ученых к возможностям развития самостоятельной циркумполярной северной цивилизации. Данный сюжет остается не подкрепленным реальными политическими действиями заинтересованных субъектов – коренных народов Севера, все более успешно вживающихся в технические реалии и использующих преимущества (и привилегии) современного мира. Наконец, всплеск внимания «РГ» к Шпицбергену в 2000-е гг. связан с территориальными спорами России и Норвегии в Баренцевом море и Северном ледовитом океане, которые было урегулированы подписанием соответствующего договора между странами в сентябре 2010 г.

В настоящее время участников выработки арктической политики можно условно разбить на следующие группы:

а) арктические государства (Россия, Канада, Норвегия, Дания, США) и приарктические государства (Швеция, Финляндия, Исландия), не имеющие прямого выхода в Арктику;

*Мартьянов В.С. Переосмысляя Арктику:
динамика российских приоритетов*

Таблица 1

**Количество публикаций, связанных с Арктикой
и ее основными смысловыми производными (1991–2012 гг.)**

Слово/ словосочетание	1991- 1992	1993- 1994	1995- 1996	1997- 1998	1999- 2000	2001- 2002	2003- 2004	2005- 2006	2007- 2008	2009- 2010	2011- 2012
Арктика (в различных производных)	102	80	69	103	204	163	263	364	843	631	951
Северный полюс, полярник	24	21	21	14	53	55	116	81	217	120	130
Северный морской путь, (Севморпуть)	8	5	4	8	21	15	21	41	64	68	116
Шпицберген	4	7	2	6	9	18	27	46	87	40	19
Шельф («арктический», «полярный», «приполярный»)	0	0	3	0	0	0	3	4	14	3	15
Циркумполярная (полярная, арктическая) цивилизация	0	0	0	0	2	1	0	5	1	2	5
Итого:	138	113	99	131	289	251	430	622	1226	864	1236

б) крупнейшие государства, претендующие на присутствие в Арктике и разработку ее природных богатств: Китай, Бразилия, Индия, Япония, Европейский Союз как целое и входящие в него страны как отдельные политические субъекты и др.;

в) межправительственные организации, среди которых важнейшее значение имеют ООН, АС, СБЕР и др.;

г) международные неправительственные организации: например, Северный Форум, Международный комитет по арктическим наукам, Саммит арктических лидеров. Кроме того, можно упомянуть и о природоохранных организациях, и организациях, защищающие интересы коренных малочисленных народов Арктики: Арктический совет атабасков, Циркумпольная конференция инуитов, Совет саамов, Ассоциация северных городов, Российская ассоциация коренных народов Севера;

д) транснациональные корпорации: горнодобывающие, нефтегазовые, транспортные компании (Газпром, Роснефть, Бритиш Петролеум, Тотал, Шелл и др.).

Из публикаций «РГ», в которых упоминается Арктика, нами были выделены основные действующие субъекты освоения Арктики. Общая картина этих субъектов оказалась предельно локальной, россицентричной и ориентированной на внутреннюю политическую повестку. В арктических сюжетах статистически значимыми субъектами освоения арктического пространства помимо России выступают США, Норвегия и Канада. Остальные страны значительно уступают им по значимости в российском информационном поле. Из влиятельных межгосударственных союзов и объединений, осуществляющих деятельность в Арктике в «РГ» наибольшее количество упоминаний связано с деятельностью Арктического совета (табл. 2).

Таблица 2

Страны, межгосударственные образования и блоки, которые упоминаются в публикациях, связанных с Арктикой (1991-2012 гг.)

Страна	Количество
Россия	1421
США	191
Норвегия	166
Канада	112
Арктический совет	47
Дания	44
Финляндия	28
НАТО	26
Япония	21
Швеция	16
Китай	15
Великобритания	15
Франция	7
Европейский Союз	5
ЕврАзЭС	0
ОДКБ	0
ШОС	0
БРИКС	0

Незначительное внимание «РГ» уделяет арктическому направлению деятельности НАТО, в то время как активность ШОС, ЕВРАЗЭС, ОДКБ, БРИКС в материалах газеты не имеет каких-либо взаимосвязей с Арктикой. Европейский союз как субъект арктической политики уступает по количеству упоминаний отдельным государствам, входящим в его состав. Подчеркивается, что общая заинтересованность Европейского союза в Арктике прежде всего инспирируется национальными интересами входящих в него арктических и приполярных стран: Швеция, Финляндия, Дания.

Среди субъектов экономической деятельности в Арктике наиболее заметными на страницах «РГ» являются «Газпром» и «Роснефть». Среди иностранных компаний упоминается «British Petroleum», причем только в контексте планов совместного освоения с «Роснефтью» российского континентального шельфа в Арктике (табл. 3). При этом проблема разработки арктического шельфа по количеству упоминаний в десятки раз уступает освещению задач по разработке каспийского и сахалинского шельфа. Наиболее значимым в контексте Арктики является разработка Штокмановского газоконденсатного месторождения, осуществляемого «Газпромом» в сотрудничестве с иностранными компаниями. Экономический потенциал Арктики в значительной мере связан в публикациях «РГ» с проблемой разграничения зон влияния арктических стран, определением прав неарктических держав и оценками ее потенциальных сырьевых запасов, большая часть которых в настоящее время остается технологически недоступна и нерентабельна (табл. 4).

Таблица 3

**Количество публикаций, в которых
присутствуют наименования национальных
и транснациональных корпораций (1991–2012 гг.)**

Наименование корпорации	Количество
Роснефть	32
Газпром	24
Штокмановское месторождение	19
BP (British Petroleum, Beyond petroleum)	5
ЮКОС	1
Шелл	1
Сургутнефтегаз	0

Если предсказуемой основой современного образа Арктики стала ее интерпретация как минерально-сырьевой базы страны, то во многом неожиданным для исследования результатом оказалась степень внимания в материалах «РГ», которая уделена Северному морскому пути и общим проблемам и перспективам судоходства в Арктике. Эти проблемы вышли по информационности на первое место. В условиях глобального потепления и таяния полярных льдов расширяются возможности судоходства в северных морях, транспортный коридор Севморпути становится экономически наиболее дешевым способом переброски грузов из Азии в Европу и обратно, а также каналом доставки сырья с новых арктических месторождений. Севморпуть примерно в два раза короче морского пути из Европы в Азию, пролегающего через Суэцкий канал, а потому, несомненно, экономи-

чески выгодней. В контексте подобной перспективы огромное внимание в «РГ» уделяется восстановлению и модернизации российского атомного ледокольного флота, который не имеет аналогов в мире. Особое значение в будущем Севморпуть может иметь для экспортно ориентированных экономик азиатских стран, прежде всего Китая, так как морские коммуникации остаются наиболее дешевыми мировыми торговыми путями.

Таблица 4

Частота упоминаний конкретных проблем (1991–2012 гг.)

Формулировка проблемы	Количество
Северный морской путь, судоходство в Арктике, ледокольный флот	559, в т.ч. 214 (ледокол)
Минерально-сырьевые ресурсы (нефть, газ и другие углеводороды и минералы)	448, в т.ч. газ (282), нефть (138)
Геополитика и военно-политические проблемы Арктического региона (интересы государств, противостояние и союзы государств и блоков)	230
Рыболовство, зверобойный промысел, оленеводство и т.п.	176, в т.ч. 130 (рыболовство), 25 (олeneводство)
Экология (загрязнение, охрана окружающей среды)	86
Туризм, проблемы рекреационного характера (уникальность территорий, отдых и т.д.)	66
Проблемы коренных малочисленных народов	35

Помимо этого отдельными сюжетами развития арктического судоходства являются стратегические задачи военно-морского флота России и развитие рыбного промысла. На страницах «РГ» наиболее популярными оказались проблемы развития рыболовства, лидируя среди тем, посвященных эксплуатации животного мира региона. Интерес к северной рыбе (нельма, муксун, пыжьян и др.) опережает по частоте упоминания не только такой всемирный арктический бренд как белые медведи, но и оставляет на периферии общественного внимания традиционное для северных народов оленеводство, промысел морских котиков, тюленей и моржей.

Проблемы коренных малочисленных народов Севера занимают в материалах «РГ» относительно периферийное место. Такие организации, как Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Циркумпольная конференция инуитов, Международная ассоциация алеутов, Совет саамов Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и другие, фактически не фигурируют в информационном пространстве «РГ» в качестве самостоятельных субъектов каких-либо сюжетов, связанных с Арктикой.

Представляется, что предпринятый выше сквозной анализ материалов «РГ» за весь постсоветский период дает релевантную динамическую картину российского видения Арктики, актуальных проблем и задач ее освоения с позиций официального дискурса власти. Общий массив статей об Арктике позволяет выделить главные и периферийные интересы Рос-

сии по различным проблемам арктического макрорегиона, выявить их временную динамику и интенсивность, связанные с частотой упоминаний.

Арктические сюжеты «РГ» об Арктике начала 1990-х гг. в большинстве поднимают нерешаемые, накапливающиеся проблемы региона, брошенного «большой землей» на самовыживание: старение арктического флота и авиации, проблемы с арктической навигацией и со снабжением районов Крайнего Севера, растущая загрязненность Арктики, депопуляция арктических поселений, усложнение условий работы полярников, убыточность арктической инфраструктуры и экономики в целом.

В конце 1990 – начале 2000-х гг. происходит идеологический перелом в восприятии Арктики в материалах «РГ». Регион снова обретает планы на будущее, все активнее используется державная, государственническая риторика освоения, покорения и развития-модернизации Арктики, даже если она пока не подкрепляется реальными возможностями страны. В исторической памяти воскрешаются подвиги полярников и беспосадочные перелеты полярных летчиков, спасательные миссии советских ледоколов, описаны полярные экспедиции с символической установкой российских флагов и т.п. Из статей «РГ» видно, что арктические регионы в свою очередь модифицируют и совершенствуют автономные модели своего развития, подстраиваются под потребности и задачи новой российской экономики, существующей в глобальном контексте, получают под свои проекты растущие государственные и частные инвестиции. В Арктике замедляются процессы депопуляции, а в отдельных регионах идет восстановление численности населения. В результате после неожиданного краха закрытой советской модели территориально-отраслевого экономического планирования начинается робкий восстановительный рост российской Арктики.

Растущие мировые цены на углеводороды во второй половине 2000 – начале 2010-х гг. вызвали взрывной рост международного интереса к экономическому освоению Арктического нефтегазоносного шельфа, что не замедлило отразиться и в дискурсе «РГ». Ему сопутствовало обострение конкуренции и всех старых конфликтов и территориальных претензий как арктических (прежде всего напряженности между Россией и Норвегией), так и неарктических держав в их попытках определить правовой режим использования арктических богатств. *Доминирующая метафора арктической политики резко смещается от «лишней земли» к «северному эльдорадо».* Вместе с тем объективно обостряются отношения Россия – НАТО, так как четыре других арктических государства являются членами этого военного объединения, стороны демонстративно проводят военные учения в Арктике. Вместе с тем в российской Арктике нарастает интенсивность геологоразведки, ведутся переговоры о международных проектах совместного экономического освоения российской Арктики, проводится ряд глубоководных экспедиций, призванных закрепить российские приоритеты, связанные с возвращением активной позиции страны в Арктике.

В начале XXI в. увеличение интенсивности артикуляции интересов различных стран и субъектов в арктическом пространстве приводит к эф-

фекту стирания привычных ранее границ и непреодолимых пространств. На уровне символической политики «Арктика все больше “приближается”, становится более “обыденной”, оставаясь при этом уникальной территорией ... символические граничность, недоступность арктических регионов, Арктики в целом, с неизбежностью преобразуются в символические возможности преодоления граничности путем как «приближения», так и “перенесения” границы...» [2, с. 137]. Причем в доминирующем российском политическом дискурсе это актуальное символическое смещение в отношении Арктики обретает черты великодержавности, своего рода компенсации постсоветского комплекса имперской неполноценности, когда «начинают доминировать смыслы, связанные с политическими и геополитическими расчетами, с упором на то, что Арктика «наша», что «великая Россия» Арктикой «прирастать будет» [2, с. 138].

В материалах «РГ» отсутствует общее стратегическое видение национальной и международной стратегии освоения Арктики, ее политико-правового и экономического режима. В дискурсе «РГ» доминирующими темами Арктики являются три нарратива. Во-первых, Арктика интерпретируется как минерально-сырьевая база, потенциальный источник углеводородов, все более привлекательный по мере совершенствования технологий их добычи и роста цен на сырье. Во-вторых, с позиций национальных российских интересов чрезвычайно перспективным представляется использование Арктики в качестве транспортного коридора Европа-Азия-США. В-третьих, Арктика видится в качестве военно-стратегического коридора Россия-США, имеющего серьезное значение в случае военного противостояния.

Все большую популярность в последние годы российская Арктика набирает как перспективный район рыболовства, область интенсивного использования не только неорганических, но и животных ресурсов макрорегиона. В частности, Арктика дает 15% российской рыбодобычи. В официальной российской прессе укрепляется интерес к экологическим сюжетам и арктическому туризму, которые в России только начинают приобретать и символическую, и вполне реальную капитализацию.

Таким образом, экспоненциальный рост внимания к проблемам Арктики, наблюдаемый в «РГ», позволяет утверждать, что регион преодолел свое негативное реноме во всех смыслах бесперспективной и отдаленной территории, населенной белыми медведями. При этом официальный российский политический дискурс не поддерживает идей объявления Арктики достоянием всего человечества и заповедной территорией по аналогии с Антарктикой. Наоборот, доминирующим настроением является интерпретация Арктики как территории национальных интересов арктических государств, претендующих на ее эксклюзивный раздел.

Россия не имеет в Арктике союзников, в то время как прочие арктические страны являются членами НАТО и отчасти Евросоюза. В подобной ситуации российская стратегия может быть только предельно дифференцированной и взвешенной. Необходима ориентация на двусторонние госу-

дарственные контакты, взаимовыгодное экономическое сотрудничество, апелляции к международному праву, мнению международного сообщества и институтов. Однако основной мерой закрепления России в Арктике может быть только долгосрочная политика поддержки стратегического освоения ее российской части, основанная на самых значимых для страны приоритетах развития будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Воронов К. Арктические горизонты стратегии России: современная динамика // МЭиМО : Мировая экономика и междунар. отношения. 2010. № 9. С. 54-65.
2. Киселев К.В. Арктические регионы России: к вопросу о динамике символической политики власти // Арктические регионы России: проблемы парламентаризма, представительства и региональной идентичности / под общ. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург ; Салехард : Баско, 2012. С. 134-139.
3. Коньшев В., Сергунин А. Арктика на перекрестке геополитических интересов // МЭиМО : Мировая экономика и междунар. отношения. 2010. № 9. С. 43-53.
4. Мартьянов В.С. Стратегия городского развития в Арктическом регионе России // ЭКО : Всерос. эконом. журн. 2013. № 5. С. 125-137.
5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу // Рос. газ. 2009. 27 марта.
6. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <http://правительство.рф/docs/22846> (дата обращения: 01.06.2013).

Материал поступил в редколлегию 25.06.2013 г.

Victor S. Martianov, Candidate of Political Science, associate professor, Scientific Secretary, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: martianovy@rambler.ru

ARCTIC RECONSIDERED: DYNAMICS OF RUSSIA'S PRIORITIES

Abstract: The article reviews the transformation of Russia's strategy towards Arctic in the context of global rethinking of the potential of Arctic macro-region. General legal and political principles of the exploration of Arctic are analyzed, with particular interest towards its geopolitical position. Based on the content analysis of Russian press, leading forces and agents are defined, as well as aims and problems of the exploration of Russian Arctic. The dynamics of Russia's politics towards Arctic are studied. It is argued that the aim of Russia's politics is symbolical location of Arctic «nearer» to Russia. At the same time, it is shown that contemporary exploration of Arctic remains mostly rhetorical. Moreover, the former Soviet heroic symbols of Arctic exploration dominate over the discourse (polar explorer, North Pole, Arctic Passage, drifting wintering, etc). Based on the content of *Rossiiskaya gazeta* (1991–2012), it is shown that the core discourse remains the same, and fluctuations of its elements have just relative significance, depending on current Russian and global political agenda. Additional analysis of official projects of Arctic exploration demonstrates their controversial character and lack of strategic envision of development of the region. It is argued that the reevaluation of Russia's priorities towards Arctic, which are relevant to the international legal regime of the region and the potential of various forms of cooperative participation of its development, is essential.

Keywords: Arctic, symbolic policy, imagined geography, polar regions, expansion, content analysis, Rossiiskaya gazeta.

***The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below***

1. *Voronov K.* Arkticheskie gorizonty strategii Rossii: sovremennaja dinamika // MJeIMO : Mirovaja jekonomika i mezhdunar. otnoshenija. 2010. № 9. S. 54-65.
2. *Kiselev K.V.* Arkticheskie regiony Rossii: k voprosu o dinamike simvolicheskoi politiki vlasti // Arkticheskie regiony Rossii: problemy parlamentarizma, predstavi-tel'stva i regional'noj identichnosti / Pod obshh. red. V.N. Rudenko. Ekaterinburg ; Salehard : Basko, 2012. S. 134-139.
3. *Konyshev V., Sergunin A.* Arktika na perekrest'e geopoliticheskikh interesov // MJeIMO : Mirovaja jekonomika i mezhdunar. otnoshenija. 2010. № 9. S. 43-53.
4. *Mart'janov V.S.* Strategija gorodskogo razvitija v Arkticheskom regione Rossii // JeKO : Vseros. jekonom. zhurn. 2013. № 5. S. 125-137.
5. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2020 goda i dal'nejshuju perspektivu // Ros. gaz. 2009. 27 marta.
6. Strategija razvitija Arkticheskoi zony Rossijskoj Federacii i obespechenija nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pravitel'stvo.rf/docs/22846> (data obrashhenija: 01.06.2013).